

СЧАСТЬЕ ТВОРИТЬ

Старая женщина разливала чай и потчевала гостей, но, наверное, не видела их в эти мгновения. Взгляд ее словно был устремлен в прошлое. Долгие годы только притушили горе, но где-то в глубине тлела, продолжала жечь сердце большая, нечеловеческая боль.

—Все правда, все так было, как описано в книге,—заговорила вдруг хозяйка дома.—Злодеи убили дочку за то, что шла против старого. Народ и сейчас помнит ее, а убийцу ненавидит.

И как будто не гостям, а себе начала старая женщина рассказывать о давно минувших днях. Тихо звучал ее голос, но сквозь печаль все явственные прорывались нотки гордости.

Аман слушал. Это уже не страницы любимой с детства книги, а настоящая, непридуманная жизнь. Точно живая вставала перед ним Огульбайрам-Сона, героиня поэмы Ала-мышева и его будущей оперы. Да, именно такой образ создал он в своем воображении. Волевая, настойчивая, когда дело касалось ломки старых обычаяев, суровая с врагами и нежная, любящая с друзьями и близкими...

А потом Аман Агаджиков бродил по Кара-Кала. Здесь происходили события, с такой достоверностью описанные Ала-мышевым. Здесь жили и боролись с врагами Советской власти отважная учительница и ее друзья комсомольцы, здесь разыгралась кровавая драма. Вот улицы, по которым Огульбайрам проходила с гордо поднятой головой над ненавидящими взглядами бая и его приспешников. Вот школа, где она учила ребятишек грамоте. И, наконец,—

мост, страшное место расправы над девушкой...

Поездка на родину первой учительницы-туркменки, ставшей прообразом Сони, вдохнула новые силы в молодого композитора. Он торопился в Москву, не теряя времени, взявшись за работу. В голове теснились мысли, рождались музыкальные образы, возникали мелодии. Хотелось придать всему этому стройность, законченную форму, свести воедино.

И вот ставшее родным домом обожжите в Дмитровском переулке. Комнаты, снова заполнившиеся шумом после летней тишины. Рояль, у которого знакома каждая клавиша. Прежде всего—пересмотреть то, что уже написано. За год сделано немало, но сколько работы впереди! Аман медленно проигрывает первую арию Сони, ключевую в музыкальной характеристики героини. Он много потрудился над ней в свое время. Зритель должен сразу же понять, что перед ним незаурядная личность, почувствовать все обаяние, женственность и большую внутреннюю силу девушки. Понимать все, что чувствует он сам после этой поездки. Справился ли он со своей задачей? Кажется, звучит хорошо, ария сразу вводит в душевный мир Сони. А как другие фрагменты? Кое-что правильно, а многое придется переделать...

Аман работал как одержимый. Занятия в консерватории, лекции профессоров. А потом, далеко за полночь—опера. Перед ним была сложная задача: сочтать освещенные вехами каноны классики, которые он считал непреложными, с национальным своеобразием и свежим дыханием современности. И главное—со-

здать во всей его душевной красоте и сложности образ мужественной учительницы, не пожалевшей жизни, чтобы защитить человеческое достоинство, права народа, дарованные Великим Октябрьем.

В трудную минуту Аман шел к профессорам консерватории. Возвращался от них ободренным, разрешив многие сомнения. Незримо помогали и те, кому молодой композитор привык поклоняться с первых лет учебы в музыкальной школе—Чайковский, Бородин, Прокофьев. Когда казалось—все, нет больше сил, иссякло вдохновение и не родится уже ни одной сцены, ни одной мелодии, Аман начинал наигрывать отрывки из произведений любимых композиторов. И тогда снова возвращалась воля к творчеству, желание работать.

Наступил день, когда Агаджиков мог сказать: опера закончена. «Сона» была его дипломной работой в Московской консерватории, где он учился по классу композиции. Но по просьбе выпускника защита диплома была отложена до того, как опера найдет свое воплощение на сцене—хотелось показать ее в живом исполнении.

Приезд в Ашхабад на этот раз был особенно радостным. В папке лежал драгоценный клавир. Первое большое произведение! Оно всегда особенно дорого создателю. А тут еще радостное сознание, что Туркменский театр оперы и балета им. Махтумкули предполагает поставить спектакль к предстоящему 40-летнему юбилею.

Чуть ли не прямо с самолета Аман отправился к Хидыру Алланурову, который должен был дирижировать оперой. Войдя в комнату, он остановился как вкопанный. Дирижер лежал с высоко поднятой, положенной в гипс ногой. Аман искренне огорчился по поводу болезни старшего, очень уважаемого товарища. Не смог скрыть и разочарования—разучивание оперы придется, видимо, отложить на долгое...

—Отложите!—Аллануров чуть приподнялся.—Это мы еще посмотрим. Оставь-ка клавир, я посмотрю.

Аман был смущен. Разве можно в таком состоянии работать? Оказалось, можно. Аллануров ознакомился с клавиром и дал его на переписку. А потом пригласил к себе концерт-мейстера, актеров и предложил начать разучивание музыки. Так и готовили оперу к прослушиванию—солисты, артисты, хор собирались в небольшой квартире Алланурова. А он дирижировал лежа, порой морщась от боли в сломанной ноге, порой, откидываясь в изнеможении на подушки и вытирая с лица крупные капли пота. Так велико было желание влюбленного в свое дело артиста подготовить к сроку юбилейный спектакль и помочь начинающему композитору. Премьера... Как памятен этот день!

По городу расклеены афиши, на которых крупными буквами—твое имя. Театр горит огнями, заполнен людьми. Среди зрителей—много друзей, товарищей по прежней учебе в музыкальном училище, по работе в филармонии. Хорошо ли примут зрителя оперу? Пожалуй, в жизни не было еще экзамена серьезней. Многие деятели музыкального искусства в Москве и здесь, в родном Ашхабаде, хорошо отзывались о новом произведении. Но ведь так важно, чтобы оно понравилось зрителям — самим строгим экзаменаторам.

Аман волнуется перед началом спектакля, перед каждым актом, во время всего действия. А потом, когда в последний раз задерживается занавес, огромная волна радости захлестывает его—оглушительно звучат аплодисменты, друзья, артисты, поздравляют, жмут руки.

Через несколько месяцев Аман Агаджиков держал второй важнейший экзамен в своей жизни, теперь уже перед своими преподавателями, прославленными композиторами. В составе государственной комиссии были Шостакович, Хренников, Хачатурян. Они слушали оперу в магнитофонной записи, смотрели партитуру. Защита диплома прошла успешно. Опера получила хорошую оценку.

В эту ночь Аман долго не мог уснуть. Когда, в какой день началась для него трудная, но приносящая безмерную радость жизнь музыканта? В тот, когда босоногий мальчишка впервые коснулся дутара. В семье рабочего подсобного хозяйства Агаджика Аширова не было музыкантов. Но по установившемуся во многих туркменских семьях обычанию старший сын Кара купил дутар. На этом дутаре и стал самоучкой играть семилетний Аман. А может быть, все началось тогда, когда он и двое его товарищ пришли в филармонию и попросили взять в оркестр? Аман сыграл туркменскую мелодию «Сен-сен», и мальчика взяли учеником дутариста. Или после позиторного его поступления в филармонию—ведь в промежутке была работа столяром на мебельной фабрике. На этот раз Аману, тринадцатилетнему подростку, казалось недостаточным играть только на дутаре. Его все больше и больше привлекала виолончель—своим мощным звучанием, широтой диапазона. Это влечение заметил виолончелист Сапар Махтумов и начал учить мальчишку. Он же и позабылся о том, что Амана приняли в музыкальную школу.

Скольким людям он обязан тем, что стал композитором, автором оперы, ряда инструментальных произведений, множества хороших и сольных песен! На душе становится тепло, когда он вспоминает преподавателя музыкальной школы Льва Ивановича Гриштаева, Ашира Кулиева, руководившего его занятиями по

композиции в музыкальном училище, и других своих первых учителей.

В Московскую консерваторию Аман Агаджиков приехал уже автором ряда музыкальных произведений. Но по-настоящему его творчество развернулось именно здесь, в столице, хотя питалось оно по-прежнему из родного источника—дорогой сердцу Туркмении. Богатая и многообразная жизнь солнечного края рождала много тем. Если ты владеешь музыкальным инструментом, можно ли не воспеть творцов величия?—Каракум-реки! Аман пишет симфоническую сюиту «Каракум». Зночная пустыня покорена, вода пришла на поля крестьян, в окаменелые горячими песками города и села. Безмерна радость народа, и он поет о своем счастье. Вот о чем рассказывает сюита. Самой жизнью подсказаны и такие песни как «Весна пришла», «Туркменистан», «Девушки», «Песня чабана».

И в том, что заброшенная природой искорка способностей к музыкальному творчеству разгорелась в нем, безусловно сыграли большую роль профессора Московской консерватории. Особенно многим обязан Аман профессору Анатолию Николаевичу Александрову. Ученник Танеева, человек высокой культуры, Анатолий Николаевич влиял на формирование не только музыканта Агаджикова, но и человека. Профессор не только учил студента своему предмету—композиции, но и прививал ему глубокое понимание музыкального искусства в самом широком значении этого слова, любовь к литературе, рассказывал о встречах с интересными людьми.

Остались позади годы учебы. Работать, работать, работать... Вокруг столько увлекательного, столько интересного, Жизнь, дела советского человека дают много материала для творчества. Недавно Аман закончил вокальный цикл «Песни Каракумов» на слова Анна Ковсова. Сейчас этот цикл разучивается артистами радио и телевидения.

Летом нынешнего года Агаджиков приступил к созданию новой оперы. По-прежнему молодого композитора волнует революционная героика, борьба наших отцов, старших братьев и сестер за становление новой жизни. На этот раз опера расскажет об одном из эпизодов гражданской войны. В основу либретто положена пьеса Тангрыкули Таганова «Кровавая ночь», поставленная к 40-летию образования Туркменской Республики Марыйским драматическим театром им. Кемине. Либретто написали автор пьесы и поэт Кара Сейтиев. Основными героями и в опере остаются комиссар Полторацкий, революционер Гарып, батрак Дангатар, меньшевик Фунтиков, английский офицер Тиг Джонс, националист Ораз Сердар. Опера посвящается предстоящему 50-летию Великой Октябрьской революции.

Планов и замыслов много. Творчество Амана Агаджикова в полном расцвете.

З. ИОФФЕ.

